

ТРАДИЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.31857/S086919080000435-5

ВОЖДИ, ШУТОЧНОЕ РОДСТВО И ГОСУДАРСТВО
В РЕСПУБЛИКЕ МАЛИ

© 2018

П.А. КУЦЕНКОВ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4288-6167>; pkutsenkov@ivran.ru

Резюме: Статья основана на полевых исследованиях 2015–2016 гг. Автор исследует воздействие традиционных институтов на политическую культуру Республики Мали. В Мали на уровне местного самоуправления существует своеобразное “двоевластие”: параллельно с республиканскими властями действуют традиционные вожди и деревенские советы. На них, согласно малийской конституции, и возложены функции местного самоуправления. Так, в Стране догонов современные административные границы разрезают традиционные культурно-исторические связи, что затрудняет решение проблем, жизненно важных для деревень догонов. Институт традиционных вождей компенсирует этот недостаток благодаря тому непререкаемому авторитету, которым они пользуются и среди населения, и среди республиканской администрации: именно через вождей осуществляются традиционные связи между деревнями. Особенно же ярко положительная роль традиционной политической культуры видна на примере “втягивания” туарегов и арабов, вовлеченных в конфликт на севере страны, в систему отношений шуточного родства и/или джаму.

Ключевые слова: Мали, догоны, традиционные вожди, джаму, шуточное родство.

Для цитирования: Куценков П.А. Вожди, шуточное родство и государство в Республике Мали. Восток (Oriens). 2018. № 4. С. 88–101. DOI: 10.31857/S086919080000435-5

TRADITIONAL CHIEFS, JOKING KINSHIP RELATIONS
AND STATE IN THE REPUBLIC OF MALI

Petr A. KUTSENKOV

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4288-6167>; pkutsenkov@ivran.ru

Abstract: In the article based on field researches of 2015 and 2016 in Bandiagara Highlands (villages Endé, Bagourou, Kani-Bonzon, Tintan, Semari and others) the author discusses the impact of the traditional political institutions on the political culture of the Republic of Mali. The author notes that in Mali at the level of local self-government exists a kind of “dual power”: in parallel with the republican authorities are active traditional chiefs and village councils, which are able to solve the very complex economic problems that the villages are constantly facing. According to the Malian Constitution, they are entrusted with the functions of local government. Thus, in the Dogon Country (as well as throughout the Republic of Mali), modern administrative boundaries cut the traditional cultural and historical ties, making it difficult to solve problems of vital importance to the Dogon villages. Institute of traditional chiefs compensates for this shortcoming because of their indisputable authority, which they enjoy among the population and among the Republican administration: traditional chiefs realize the historically established ties between the villages. Especially brightly positive role of traditional political culture is visible

in the example of the “engagement” to the system of djamu and/or joking kinship relations of Tuareg and Arabs who are involved to the conflict in the north of Mali.

Keywords: Mali, Dogon, traditional chiefs, djamu, joking kinship relations.

For citation: Kutsenkov P. A. traditional chiefs, joking kinship relations and state in the Republic of Mali. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 4. Pp. 88–101. DOI: 10.31857/S086919080000435-5

Проблема воздействия институтов традиционного общества на современное государство в Западной Африке привлекла и привлекает внимание отечественных исследователей (Д.М. Бондаренко, Ю.М. Кобищанов, Н.Б. Кочакова, Л.Е. Куббель, Н.А. Ксенофонт, Э.С. Львова, И.Е. Синицына, И.В. Следзевский и др.). В предлагаемой вниманию читателя статье автор, не претендуя на решение теоретических проблем, на примере догонов рассматривает воздействие на современную политическую культуру Мали двух традиционных институтов: власти вождей и шуточного родства (*сананкуйя*). В основу статьи положен опыт полевой работы в Мали в марте 2015 и январе 2016 гг. (города Бамако, Банкасс, Коро, Бандиагара, деревни Энде, Багуру, Пель-Баракун, Кани-Бонзон, Кани-Комболе, Тинтан, Семари, Уме и Догани-Бере).

Этническая территория догонов (Страна догонов) находится на юго-востоке Республики Мали (регион Мопти, округа Бандиагара, Банкасс, Дуэнца и Коро), их численность составляет не более 800 тыс. человек. Из них на Нагорье Бандиагара (другие названия – Плато Догон, Страна догонов) проживает постоянно не более 400 тыс. человек. Доля догонов в населении Мали оценивается по-разному – от 2 до 6%. Больших городов в Стране догонов нет, но, по малийским масштабам, Банкасс, Коро, Дуэнца и Бандиагара можно считать крупными населенными пунктами. В непосредственной близости от этнической территории догонов находится г. Мопти – столица одноименного региона, крупнейший экономический и культурный центр Республики Мали.

Согласно самым последним данным, догоны говорят на тридцати языках [*Dogon and Bangime Linguistics*]. Разница между ними такова, что жители культурно-исторической области Бондум на северо-востоке Нагорья Бандиагара, говорящие на языке бонду-со (деревни Догани, Борко, Тинтан, Семари, Минти и др.), не понимают носителей языка тен-кан (округ Банкасс на юго-западе скального уступа Нагорья Бандиагара) – они используют при общении бамана, французский язык (это касается лиц, получивших хотя бы начальное образование), или фульфульде. В свою очередь, догонские языки делятся на множество диалектов: в маленьких деревнях, находящихся на расстоянии 4–10 км от д. Энде (округ Банкасс), нередко населенных выходцами из этой деревни, принадлежащими к тому же тиге (клану) Гиндо и имеющими в Энде родственников, произношение языка тен-кан заметно отличается от “эталонного”. В школах при изучении своего собственного языка в одной деревне используют французский алфавит, а в соседней он дополнен фонетическими знаками, теми же, что используются в бамана (ε; л; п; о). В г. Коро (примерно 50 км к юго-востоку от Энде) местная FM радиостанция вещает на языке тен-кан, но он сильно отличается от деревенского.

История догонов изобилует белыми пятнами. Единственное, что можно утверждать с уверенностью – то, что многочисленные группы населения приходили на Нагорье Бандиагара в разное время и имеют разное происхождение. Предшественники догонов, теллем (“[те] кого [мы] нашли”), появились там в X в. н.э.; с XIII по XVI в. на Нагорье приходили многие другие группы. Последней волной переселенцев в конце XVIII – начале XIX в. стали бамбара джаму (клана) Кассамбара, обитавшие на территории Внутренней дельты Нигера. Они подчинили себе область Бондум и дали свое клановое имя населению д. Тинтан и некоторых соседних деревень. В настоящее время в Стране догонов

Рис. 1. Тогуна (1 - д. Кани-Бонзон, первый тогуна догонов, построенный ими после прихода из «Страны манде»; 2 - д. Семари; 3 - д. Энде)

Несмотря на это, для догонов характерно мощное чувство единства, подкрепляемое зримыми и осязаемыми символами. К числу таковых следует отнести характерные для всех групп тогуна¹ (рис. 1) и культ Ама с его легко узнаваемыми алтарями (в настоящее время теряющий значение из-за проникновения ислама, но в ряде случаев мирно с ним сосуществующий) (рис. 2).

¹ Тогуна – важнейший социально-культурный институт догонов, один из основных этнодифференцирующих признаков и тип традиционной архитектуры. Дословный перевод – “хижина/дом беседы”. Там проводятся заседания деревенских советов, суды и иные общественные мероприятия. Одновременно тогуна служат сельскими клубами и просто местом отдыха. Они представляют собой квадратные беседки в виде покоящегося на тесно стоящих столбах перекрытия из стеблей мила, травы и т.д. Столбы могут быть каменными и деревянными, часто они украшены резными изображениями. В последнее время появляются бетонные столбы. Отличительная черта тогуна – невысокое перекрытие (там можно только сидеть). Если в деревне есть тогуна, это значит, что в ней живут догоны.

Рис. 2. Алтарь Ама в д. Семари

Видимые символы единства догонов бытуют в изобразительном искусстве: это тип скульптуры с поднятыми вверх руками, определенные типы резных дверных засовов (один из них воспроизведен на рис. 3) и т.д. Вероятно, к числу тех же символов принадлежности к догонам теперь можно отнести и мечети с очень характерным декором в виде ниш (последний распространен и в светской архитектуре), и историческое предание, выводящее разные группы догонов из Страны манде и освящающее связи по *сананкуйа* (шуточному родству – подробно об этом см. ниже).

Рис. 3. Дверные засовы догонов в виде маски антилопы Валу:
1 – дом Буреима Гандеба в д. Семари; 2 – дом Домо Гиндо в д. Энде

Деревня Семари находится на севере Нагорья Бандиагара, в культурно-исторической области Бондум, в сельской коммуне Дангол-Боре округа Дуэнца региона Мопти (*карта 1*). Согласно устной деревенской традиции, она была основана ок. 1269 г. На востоке она граничит с деревней Темба (сельская коммуна Кубевель-кундя), на западе – с деревней Нумбори (сельская коммуна Дангол-Боре), на севере – с деревней Ибисса (сельская коммуна Дангол-Боре), на юге – с деревней Туле (сельская коммуна Де, округ Бандиагара региона Мопти). Население Семари в 2012 г. насчитывало 3745 жителей, догонов (самоназвание “пойо”) и пель (фульбе), сосуществующих вполне мирно: по словам вождя деревни Буреима Гандеба (Gandeba Bureïma), “их жизнь определяется одними и

теми же правила поведения, верованиями и образом жизни”. Это одна из самых густонаселенных деревень в коммуне Дангол-Боре.

Рис. 4. Вождь Семари Буреима Гандеба (слева) и Бокари Гиндо (справа)

Условия жизни в Семари очень тяжелы: до лета 2017 г. деревня была лишена постоянных источников воды. Три сильно заиленных водоема, наполняющиеся водой в сезон дождей (июнь–сентябрь), практически полностью пересыхают уже к январю. Вода в деревне настолько плохого качества, что люди из других деревень, где положение с водой получше, не рискуют ее пить. В результате в отличие от многих других деревень в Стране догонов в Семари не выращивают ни овощей, ни фруктов. Это не значит, что в тех деревнях, где есть надежные источники водоснабжения, люди имеют овощи и фрукты круглый год, но все же питаются там лучше. Сейчас деревня не голодает, но она постоянно находится на грани голода².

В Семари нет ремесленников: традиционно ткачи и кузнецы получают за свой труд натуральную оплату, но как “люди каст” не имеют земельных наделов и соответственно не могут заниматься сельским хозяйством; из-за ограниченности ресурсов в деревне не хватает “прибавочного продукта” для их содержания (есть и ритуальные ограничения – так, на землю деревни запрещено ступать красильщикам тканей). В Семари ремесла ограничены изготовлением простейших бытовых предметов, и единственные изделия, которые специфичны для этой деревни, – плетеные шляпы характерной конической формы. Гораздо чаще деревни догонов самодостаточны в экономическом отношении – “люди каст” (кузнецы, ткачи и кожевники) производят все необходимое для жизни, за исключением “городских” товаров вроде чая, кофе, сахара, сигарет, спичек и т.д. В Семари нет даже рынка – все товары жители деревни покупают на рынках или заказывают у ремесленников соседних деревень (Ибисса, Киро и Койра-Бери, Дагани). Поэтому в экономике деревни большую роль по-прежнему играет собирательство и бортничество (впрочем, эти занятия широко распространены и в более благополучных деревнях).

В 2015 г. на нагорье в окрестностях деревни были пробурены разведочные скважины на глубину 100, 120 и 130 м, но водоносный слой так и не был обнаружен. Единственным выходом для решения проблемы водоснабжения Семари остается дорогостоящая и трудоемкая прокладка водопровода от артезианской скважины в д. Минти.

Согласно Конституции Республики Мали, “в регионах действует свободное самоуправление через избранные советы, в соответствии с условиями, предписанными зако-

² Урожай в 2016 г. оказался плохим, и эта грань была почти пройдена.

ном” (ст. 97, 98). Соответственно большинство муниципалитетов имеют выборные советы, в которых и сосредоточена местная власть. В соответствии с декретом № 386P-RM от 10 августа 2000 г., определяющим организацию и порядок работы национального Агентства инвестиций в административно-территориальные образования, вопросы водоснабжения полностью находятся в ведении муниципальных советов. В случае с деревней Семари с точки зрения административного решения проблемы водоснабжения положение осложняется тем, что современные административные границы не совпадают с границами культурно-исторических областей Страны догонов. Семари вместе с деревнями Борко, Догани и Тинтан входит в культурно-историческую область Бондум, но административно относится к округу Дуэнца, а прочие деревни – к округу Бандиагара (см. *карту 1*). Вместе с тем традиционно жители Семари связаны с этими деревнями – так, железные изделия они заказывают по преимуществу у кузнецов в Дагани примерно в 15 км к югу от Семари. В таких условиях особое значение приобретает та роль, которую в традиционном обществе догонов играют вожди.

Рис. 5. Старейшины деревенского совета Семари

В январе 2016 г. автор был свидетелем того, как решалась проблема водоснабжения на уровне традиционного местного самоуправления. Сначала в деревне прошел деревенский совет (рис. 5), на котором молодой, но чрезвычайно активный общественный деятель и представитель итальянской фирмы, безвозмездно проводившей изыскательские работы, Бокари Гиндо (рис. 4) изложил суть дела: бурение скважин не дало результатов, и единственным выходом остается прокладка водопровода от действующей скважины, расположенной на землях д. Минти. Вопросы ему задавал выборный представитель деревни. Вождь Семари – Буреима Гандеба (Gandeba Boureïma) (рис. 4) вообще не вмешивался в происходящее. Решение о водопроводе было принято деревенским советом за 15 минут. Именно после этого в дело вступил вождь Буреима Гандеба. Он отправился в д. Тинтан и изложил дело сыну вождя Тинтан, Буреима Кассамбара, самому вождю (это был человек весьма преклонного возраста, и фактически всеми делами занимался его сын), и мэру Тинтан. Руководство Тинтан выразило согласие помочь жителям Семари. На следующий день оба вождя и Бокари Гиндо направились в деревню Догани-Бере, где находится администрация коммуны, куда входит деревня Тинтан и куда явились вожди, от которых так или иначе зависела проблема водоснабжения Семари. Положительное ре-

шение также было принято за 15–20 минут (на этом совещании автор не присутствовал). В результате встречи был подписан документ, текст которого приводится ниже.

МЕЖКОММУНАЛЬНЫЙ ДОГОВОР № 001

Сельские коммуны Дангол-Боре (округ Дуэнца), Борко, Догани-Бере (округ Бандиагара), представленные соответственно:

- господином Йайа А. Боре – мэром сельской коммуны Дангол-Боре;
- господином Альджума Кассамбара – мэром сельской коммуны Борко;
- господином Калил Дйомбеле – мэром сельской коммуны Догани-Бере

Достигли соглашения по следующим вопросам:

- дать свое согласие на использование необходимых средств для снабжения деревни Семари питьевой водой;
- совместно использовать для этого свои интеллектуальные, моральные и материальные ресурсы;
- использовать систему подачи воды от скважины Минти (коммуна Догани-Бере) до деревни Семари (коммуна Дангол-Боре).

Таким образом, вожди деревень Догани-Бере, Минти, Тинтан присоединяются к вождю деревни Семари для того, чтобы объединить свои голоса с мэрами деревень, заинтересованными в том, чтобы принять все меры, потребные для подачи питьевой воды в Семари.

Настоящий договор составлен и подписан в соответствии с духом и буквой закона.

Совершено в Боре 31.12.2015

Подписи мэров Дангол-Боре, Борко, Догани-Бере; вождей Семари и Тинтан; отпечатки пальцев вождей Догани-Бере и Минти; печати.

В результате слаженных действий республиканских и традиционных органов власти летом 2017 г. Семари получила воду. Символично, что возле колонки, куда поступает вода, тут же был разбит сад.

* * *

Феномен джаму давно привлекает внимание зарубежных и отечественных исследователей³. В отличие от народов манден (малинке и бамбара) связи по джаму и/или сананкуйа внутри этносоциального организма (ЭСО) догонов пока что изучены явно недостаточно. Понятно только, что связи по джаму не столь развиты и не имеют такого большого значения, как у народов манден. Так, по словам информантов, только между Гиндо и Того (самые распространенные клановые имена (тиге) у догонов) существует слабо выраженная связь, которую многие информанты вообще отрицают. Обращает на себя внимание также большое, по сравнению с манде, число “клановых имен” догонов – если у первых около тридцати основных джаму, то у догонов больше ста тиге⁴, т.е. почти в четыре раза больше.

В целом предварительно можно констатировать, что вообще любое тиге (джаму) догонов связано со всеми тиге догонов: имеет значение не столько принадлежность к тому или иному тиге, сколько к догонам как к целому. Все догоны считают себя “младшими братьями” Кейта (“An ye Keyita dɔgɔkɛw ye” – “Мы – младшие братья Кейта”), что подтверждают гриоты Кейта (Куйате) (информант Мадани Куйате, г. Севаре, март 2015 г.); предание об исходе из Страны манде имеется и на юге Страны догонов, и на севере, причем в последнем случае обращает на себя внимание явное несовпадение дат⁵. При этом

³ Подробную историографию исследований джаму см. [Богачева и др., 2015, с. 51–58].

⁴ Автору известно сто шестнадцать клановых имен (тиге) догонов.

⁵ По словам вождя деревни Буреима Гандеба, «жители Семари происходят из древней деревни Генде [возможно, современная деревня Кенде к югу от Семари (см. карту 1)], отсюда и их [клановое] имя “Гендеба”.

догоны с юга Нагорья Бандиагара, те же Гиндо и Того, могут ничего не знать о Гандеба или Кассамбара из северо-восточных деревень и никогда там не бывать. Но когда при встрече они узнают, что и те, и другие догоны, между ними немедленно устанавливаются самые сердечные отношения (в связи с этим возникают сомнения в том, что тиге догонов можно считать полным эквивалентом джаму у бамбара, малинке и других народов Западной Африки).

Рис. 6. Сананкуйа глазами французского карикатуриста Дамьена Глеза (слева пёль (фульбе), справа – бобо. Слова фульбе: «Алкоголик!», бобо – «Раб!» [Konkobo, 2013])

Таким образом, догоны по отношению к джаму других этносов (Кейта у малинке) выступают в известном смысле как единое джаму, что хорошо согласуется со следующим наблюдением: “Люди, объединенные одной фамилией-джаму, не представляют собой консолидированных групп или организаций с единым управлением – по крайней мере, в настоящее время” [Богачева и др., 2015, с. 51]. И действительно, догоны не обладают и никогда не обладали единым управлением, что сочетается у них с сознанием своего единства, подкрепляемого хорошо видимыми и осязаемыми символами (см. выше).

В то же время тиге догонов обладают некоторыми свойствами, характерными именно для джаму: “некоторые носители одного имени считаются братьями, другие – кузенами и т. п.” [Богачева и др., 2015, с. 51]. В этом отношении показателен пример хорошо знакомой автору д. Энде, где все жители, за исключением кузнецов-Сеиба, принадлежат к тиге Гиндо, однако в деревне есть, по меньшей мере, две группы семей, каждая из которых обладает своей версией истории основания деревни (очень важная часть исторического предания, от которой в конечном счете зависит распределение общинной земли). Таким образом, Гиндо отнюдь не едины – по отношению к “другим” Гиндо они могут быть и “братьями”, и “кузенами”. Но по отношению к иным тиге они выступают как це-

Сама же деревня Генде была основана жителями Гудуба (?), которые пришли из Манден-Каба». Деревня Гудуба есть в провинции Сено в Буркина-Фасо, примерно в 300 км от Нагорья Бандиагара; “Манден-Каба” – Кангаба, или Кааба, – город в Мали в 50 км от границы с Гвинеей, колыбель средневековой империи Мали, создателем которой был Сунджата Кейта.

Если учесть, что деревня, согласно устной традиции, была основана в 1269 г. н.э. (эту дату назвал вождь деревни), а путь Гендеба к месту их теперешнего обитания был извилистым и явно небыстрым, то “исход” из Манден-Каба должен был состояться еще до рождения Сунджаты (1190 г.). Таким образом, в данном случае мы, возможно, имеем дело с приспособлением исторического предания Семари к общедогогонской традиции, т.е. с характерной для африканских государств “сознательной переделкой идеологической традиции”, о которой писал Л.Е. Куббель [Куббель, 1988, с. 84].

лое; в свою очередь, все догоны выступают как единое целое по отношению к другим этносам и/или джаму. Можно сделать предварительный вывод, что по отношению к другим этносам догоны являются чем-то средним между джаму (все догоны/Кейта у малинке) и народом, в то время как внутри своего ЭСО они четко различаются по тиге и месту происхождения. Такая специфика связей по джаму у догонов делает особенно важными связи по шуточному родству (*сананкуйя*, *сенанкуйя*, *синанкуйя*), которые в известном смысле и заменяют в данном случае систему джаму.

Очень хорошее описание того, как взаимоотношения по сананкуйя выглядят на бытовом уровне (рис. 6), дал В.Ф. Выдрин: “Назвать своего сананку песьим отродьем, обвинить его в пристрастии к воровству или бесстыдной лжи, в непроходимой тупости или неудержимой страсти к поеданию фасоли, а то и еще менее почтенной пищи; пообещать продать его в ближайший же базарный день за 25 франков или зарезать его по случаю Табаски (“праздника барана”) – любимое развлечение всякого уважающего себя малийца, тем более что ему гарантировано и понимание, и взаимность партнера, и шумный успех у зрителей” [Выдрин, 1998, с. 237, 238]. В истинности этого замечания автор мог убедиться на собственном опыте: будучи побратимом догона из тиге Гиндо, при встрече с бозо он немедленно становился жертвой приставаний и издевательств со стороны достойных представителей этого народа: они упрекали автора в том, что он связался с недотепами-догонами, в результате чего не умеет ни плавать, ни ловить рыбу и вообще ничего не может сделать по-человечески. Автор был вынужден напоминать бозо, что те – всего лишь рабы догонов, что всеми присутствующими всячески одобрялось и сопровождалось дружным смехом.

Рис. 7. Плакат Второго фестиваля культуры догонов Огобаньян

Шуточное родство в Африке распространено очень широко и не является исключительно малийским феноменом: этот институт, известный под разными названиями, охватывает Западный, Центральный и Восточный Судан, Нигерию, Камерун, Габон, Конго, Центрально-Африканскую Республику [Mengue, 2011, p. 16–21]; есть сведения, что все этнические группы Замбии вовлечены в отношения шуточного родства [Canut, Smith, 2006, p. 687]. Показательно, между прочим, что шуточное родство пока что не зафиксировано на побережье Гвинейского залива в Либерии, Сьерра-Леоне и Кот-д’Ивуаре, т.е. именно там, где разыгрывались наиболее кровопролитные междоусобные конфликты. И это закономерно: как справедливо заметил В.Ф. Выдрин, «...отношения “шуточного родства” в Западной Африке – это своеобразный способ обозначить зоны потенциаль-

ных и реальных конфликтов между группами и сублимировать их, переведя в карнавальную форму. Недаром сананкуйя интенсивно (и, надо признать, результативно) эксплуатируется нынешними властями Мали: “шуточное родство” рассматривается на самом высшем политическом уровне страны как серьезное средство против возникновения межэтнической напряженности» [Выдрин, 1998, с. 239].

В последнее время появились сведения, которые не только подтверждают наблюдение В.Ф. Выдрина, но и показывают, что институт шуточного родства в Мали продолжает расширяться, он обнаружен и у тех этносов, у которых ранее не фиксировался. Так, в Бамако в конце января 2016 г. состоялся Второй фестиваль культуры догонов Огобьянья (“большая калейбаса вождя”). В его анонсе⁶ среди “кузенов” догонов, кроме их старых сананку (пель, сонгаев, малинке и бозо), были названы “тамашек” (туареги) и “арабы” (мавры), т.е. именно те народы, что вовлечены в конфликт на севере Мали. Ранее они среди сананку догонов не упоминались. К слову, еще в XX в. и отношения между пель и догонами были далеко не мирными – в д. Энде, например, показывают пещеры, куда люди прятались во время нападений воинственных скотоводов.

На рис. 8 показана “догоноцентрическая” схема связей по сананкуйя в регионе Мопти Республики Мали и в приграничных районах Буркина-Фасо. Она не претендует на полноту, да и не может претендовать на нее по той причине, что, как мы видели, система эта не является законченным, застывшим институтом. Показательно, что больше всех сананку имеют пель, что неудивительно: при своем полукочевом образе жизни они контактируют со всеми народами Сахеля вплоть до Южного Судана. Весьма и весьма вероятно, что “втягивание” туарегов и арабов в систему отношений по сананкуйя является частью деятельности по замирению северных территорий Мали, точно так же как введение довольно большого числа представителей этих этносов в правительство. Как сообщил автору Муса Амаду Гиндо (д. Энде, Бамако), сейчас стал нарушаться запрет на браки между кузнецами (нуму) бамбара и пель (фульбе). В то же время имеются некоторые признаки того, что сананкуйя начинает распространяться и на межконфессиональные отношения – автор неоднократно был свидетелем того, как догоны-христиане подшучивали над догонами-мусульманами, и наоборот (шутки были весьма рискованными, поскольку затрагивали вопросы веры), и это вызывало одобрительный смех всех присутствовавших (несколько шокирован был только автор этой статьи).

Следует учитывать, что в случае с шуточным родством работает правило “сананку моего сананку – не мой сананку”. Тем не менее можно предположить, что связи по сананкуйя с влиятельными фульбе и малинке и одновременно статус “младших братьев” Кейта в системе джаму резко повышают политический вес догонов в современном малийском государстве. Как уже говорилось выше, по разным подсчетам, догоны составляют от 2 до 6% населения Республики Мали. Даже если считать правильной последнюю (явно завышенную) цифру, то доля догонов в правительстве Мали все равно заметно превышает их долю в населении страны – она никак не меньше 12%. Догонов много в среднем управленческом звене, а также в среднем бизнесе Мали – на каждом шагу встречаются вывески вроде “Скобяные товары Того” или “Булочная у Гиндо”, причем далеко за пределами собственно Страны догонов – например, в Бамако или в г. Дженне (жители Дженне утверждают, что самый вкусный хлеб в городе выпекают догоны – Гиндо).

⁶ OGOBAGNAN, édition 2017 du 23 au 29 Janvier. Le Festival Culturel Dogon se veut un cadre d'échange, de partage et de réflexion sur la culture dogon tout en associant les cousins des dogons (Malinké, Sonrhaï, Bozo, Tamasheq, Arabes et Peulhs). En chiffre l'édition de 2016 a réuni plus de 150 exposants, et près de 8000 visiteurs sur l'ensemble des 3 jours. Côté médias l'édition de 2016 a vu la participation de grands médias internationaux et la presse malienne. Le Festival Culturel est une belle vitrine pour les partenaires et sponsors en quête de visibilité [<https://www.facebook.com/events/127835223209509/>].

Рис. 8. Догоны в системе шуточного родства на юго-востоке Республики Мали и в Буркина-Фасо

Вероятно, не в последнюю очередь именно связями по джаму и *сананкуйа* можно объяснить и высокую степень самоидентификации малийцев с современным государством. По данным опросов, большинство жителей юга Мали склонны ассоциировать себя в равной мере и с Республикой Мали, и со своей этнической группой (39% в городах и 36% в деревнях); скорее с Республикой Мали, чем со своей этнической группой – соответственно 39 и 33%; скорее со своей этнической группой, чем с Республикой Мали – 5 и 9%, а исключительно со своей этнической группой – только 9 и 14% [Coulibaly, Hatløy, 2015, p. 12]. В этой статистике обращает на себя внимание небольшой разрыв между деревенскими и городскими жителями. Это неудивительно, поскольку подавляющее большинство жителей малийских городов – недавние выходцы из деревень, которые не утрачивают связей со своей малой родиной (так, с началом сезона дождей все догоны стараются приехать в родные деревни для того, чтобы принять участие в полевых работах). Таким образом, в Мали очень высока доля людей, ассоциирующих себя с современным государством, но не в ущерб своему этносу, субэтнической группе, джаму и т.д. Иными словами, большинство малийцев ассоциирует себя и со своей группой, и с Республикой Мали, но и саму эту группу они считают неотъемлемой частью современного государства, поскольку по джаму и сананкуйа каждая группа связана со множеством других групп. В результате образуется непрерывная сеть связей по джаму и сананкуйа, покрывающая всю страну.

Следует также отметить, что в соседней с Мали Республике Гвинея система джаму сейчас находится в кризисе: «молодежь уже не сведуща в этой системе, в лучшем случае молодые люди могут назвать своих сенанку (джаму, с которыми они находятся в

так называемом шуточном родстве) и иногда семьи брачного запрета, но ни предков, ни тотем они не знают. Сегодня отмирание традиций ускорилося в связи с явной исламизацией региона, системы взаимоотношений меняются и рушатся, уступая место новым схемам” [Завьялова, 2016, с. 102]. Далее О.Ю. Завьялова замечает: “В скором времени изменится вся сложная система взаимоотношений в Западной Африке, как и другие ее институты” [Завьялова, 2016, с. 103]. Это верно по существу, но, как показывает опыт Мали, изменения в разных странах проходят с разной скоростью и с разными последствиями как для традиционной системы отношений, так и для современного государства – догоны знают свои тотемы⁷ и предков. Во всяком случае, институт сананкуйя в Мали не только выжил, но и оказал заметное влияние на современную политическую культуру. С учетом наблюдений О.Ю. Завьяловой можно даже со всей осторожностью предположить, что в случае с догонами *сананкуйя*, возможно, начинает подменять систему связей по джаму. К слову, в соседней с Мали Буркина-Фасо ценность *сананкуйя* как фактора, обеспечивающего мирные отношения между разными этническими группами, тоже прекрасно осознается, что видно даже только по одному названию статьи на новостном сайте “Burkina 24”: “Шуточное родство в Буркина: его надо сохранить!” [Konkobo, 2013].

Нет оснований сомневаться в том, что в росте общемалийского самосознания сыграли свою роль и полвека независимости (уже два поколения выросли в ее условиях), и рост грамотности среди населения (школы теперь есть практически в каждой деревне), и существование национального радио и телевидения (благодаря солнечным панелям телевидение стало доступным во многих изолированных ранее деревнях). Однако вряд ли такая двойная лояльность была бы возможна без своеобразной политической культуры, насаждающей через традиционные институты джаму и/или *сананкуйя* взаимную терпимость и тесные связи между различными этническими и религиозными группами населения в сочетании с широкой культурной автономией и развитым традиционным местным самоуправлением, в эффективности которого мы имели возможность убедиться в первой части статьи.

* * *

Таким образом, на уровне местного самоуправления в Мали существует своеобразное “двоевластие”: параллельно с республиканскими властями действуют традиционные вожди и деревенские советы. На них, согласно малийской конституции, и возложены функции местного самоуправления. На основе личных наблюдений автор может утверждать, что это мудрое решение: традиционные институты в политической жизни Мали (власть традиционных вождей и связи по джаму и/или *сананкуйя*) играют самую позитивную роль. Как мы видели, в Стране догонов (как и во всей Республике Мали) современные административные границы разрезают традиционные культурно-исторические связи, что затрудняет решение проблем, жизненно важных для деревень догонов. Институт традиционных вождей компенсирует этот недостаток благодаря тому непрерываемому авторитету, которым они пользуются и среди населения, и среди республиканской администрации: именно через вождей осуществляются традиционные связи между деревнями. Особенно же ярко положительная роль традиционной политической культуры видна на примере “втягивания” в систему отношений по *сананкуйя* туарегов и арабов, вовлеченных в конфликт на севере страны.

⁷ В данном случае термин “тотем” не совсем корректен. Тотем догонов Гиндо – крокодил, но он не считается предком этой группы. Согласно легенде, догоны во время своего исхода из Страны манде перешли Нигер или по спинам сомкнувшихся крокодилов, или по спине одного огромного крокодила. В д. Энде есть кладбище крокодилов, а в д. Кани-Бонзон – пруд, где живут крокодилы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Богачева Е.А., Горшенев А.А., Маслов А.А. Имена джаму, распространенные среди народов Западного Судана, их значение и отношения между ними. *Вестник СПб.ГУ.* Сер. 13. 2015. Вып. 4. С. 50–66 [Bogacheva E.A., Gorshenev A.A., Maslov A.A. *Jamu names of Western Sudan: denotation and relations* // *Vestnik SPb.GU.* Ser. 13. 2015. Issue 4. Pp. 50–66] (in Russian).

Выдрин В.Ф. “Fúla` tɛ fôyi yé!” Образ малийских фульбе в баманских байках, анекдотах, размышлениях. *Язык. Африка. Фульбе. Сборник научных статей в честь Антонины Ивановны Коваль.* В.Ф. Выдрин и А.А. Кибрик (ред.). Санкт-Петербург–Москва: Европейский Дом, 1998. С. 237–256 [Vydrin V.F. “Fúla` tɛ fôyi yé!” Image of the Fulani of Mali in tales, anecdotes and fables bambara. *Language. Africa. Fulbe. Collection of scientific articles in honor of Antonina Ivanovna Koval.* V.F. Vydrin i A.A. Kibrik (red.) Saint Petersburg–Moscow: Evropejskij Dom, 1998. Pp. 237–256 (in Russian).

Завьялова О.Ю. Система и понятие джаму у манден (Гвинея) по устным источникам. *Вестник СПб.ГУ.* Сер. 13. *Востоковедение. Африканистика.* 2016. Вып. 3. С. 101–115 [Zav’jalova O.Ju. The system and concept of dyamu from Manding (Guinea), based on oral sources. *Vestnik SPb.GU.* Ser. 13. *Vostokovedenie. Afrikanistika.* 2016. Issue 3. Pp. 101–115 (in Russian).

Куббель Л.Е. *Очерки потестарно-политической этнографии.* М.: Наука; ГРВЛ, 1988 [Kubbel’ L. E. *Essays of Potestarian political ethnography.* M.: Nauka, GRVL, 1988] (in Russian).

Dogon and Bangime Linguistics. <http://dogonlanguages.org/languages.cfm>.

Décret n°10-386/P-RM. *Journal officiel de la République du Mali.* №34 du vendredi 20 août 2010. – (<http://www.abamako.com/JO/JO/1692010.asp>).

Canut C, Smith É. Pactes, alliances et plaisanteries. *Cahiers d’études africaines.* 2006/4 (n°184). Pp. 687–754.

Coulibaly M., Hatloy A. Religious issues and ethnicity in Southern Mali. *Fafo-report.* 2015. № 13. 38 p.

Konkobo M. Parenté à plaisanterie au Burkina : Il faudra la sauvegarder. Burkina 24. Mai 7. 2013. – <http://www.burkina24.com/2013/05/07/parente-a-plaisanterie-au-burkina-il-faudra-la-sauvegarder/>.

Mali. Constitution du 25 février 1992. – <http://mjp.univ-perp.fr/constit/ml1992.htm#11>.

Mengue M.J.B. Les savoirs endogènes au service de l’unité africaine: esquisse d’une architecture de paix, de sécurité et d’intégration pour l’Afrique du XXIe siècle fondée sur les alliances à plaisanterie. *CODESRIA. 13ème Assemblée général.* Rabat, Morocco, 5–9 Décembre 2011. Pp. 1–36. – <http://general.assembly.codesria.org/spip.php?article74&lang=en> 11.12.2016.

Ozainne S., Huysecom E., Mayor A., Caroline Robion-Brunner C., Soriano S. Une chronologie pour le peuplement et le climat du pays dogon : la séquence culturelle et environnementale du gisement d'Ounjougou (Mali). *Antropo.* 2009. Vol. 18. Pp. 37–46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУЦЕНКОВ Петр Анатольевич – кандидат искусствоведения, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.	Petr A. KUTSENKOV – PhD (Art), Dr.Sc., (Cultural Studies), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
--	---